

«ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ?», ИЛИ КАК «ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРЕДАТЕЛИ» СТАЛИ ГЕРОЯМИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕЗАПАДНЫХ ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ

М.В. Кирчанов

Аннотация. Автор анализирует особенности исторической политики в «мягких» неакадемических формах в контекстах исторического опыта вынужденного или добровольного и сознательного коллаборационизма в период Второй мировой войны в незападных обществах. Предполагается, что академические сообщества и массовая культура остаются основными акторами исторической политики, но роль академических интеллектуалов постепенного сокращается. Анализируется, как коллаборационисты в различных версиях национальной памяти «мигрировали» из академической историографии в сферу массовой культуры (сериалы) или изобретенных политических традиций (музеи, марки, памятники и т.д.). Сферы пространственной локализации коллаборационистов в анализируемых формах исторической памяти разнообразны, варьируясь от традиционной историографии и монументальной скульптуры до интернета и современной киноиндустрии. Историческая политика памяти может не только демонизировать коллаборационизм как измену и предательство, но в некоторых случаях формировать и транслировать позитивные или нейтральные образы тех политиков, которые сотрудничали с государствами, ответственными за начало Второй мировой войны. Посмертная «миграция» политиков-коллаборационистов из политических дискуссий и академической историографии в массовую культуру предопределила «поражение» нарративной истории, которая не смогла эффективно конкурировать с новыми версиями прошлого, визуализированными и примитивизированными для нужд общества потребления.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, политика памяти, коллаборационизм, Индия, Индонезия, эрозия монополии академической историографии, массовая культура.

“DID THEY FIGHT FOR THE MOTHERLAND?”, OR HOW “PATRIOTIC TRAITORS” BECAME HEROES OF MASS CULTURE IN NON- WESTERN MEMORIAL POLITICS

M.W. Kyrchanoff

Abstract. The author analyzes the features of historical politics in its “soft” non-academic forms in the contexts of the historical experience of forced or voluntary and conscious collaborationism during the Second World War in non-Western societies. The author believes that academic communities and popular culture remain the main actors in the historical politics and the processes of memory formation, but the role of academic intellectuals is declining gradually. Spheres of spatial localization of collaborationists in the analyzed versions of historical memory are diverse, ranging from traditional historiography and monumental sculpture to the Internet and the modern film industry. The historical politics of memory can not only demonize collaborationism as treason and betrayal, but in some cases form and broadcast positive or neutral images of those politicians who collaborated with states which were responsible for World War II. The posthumous “migration” of collaborationist politicians from political discussions and academic historiography to popular culture predetermined the “defeat” of narrative history, which was unable to compete effectively with new versions of the past, visualized and primitivized for the needs of consumerism society.

Keywords: historical memory, historical politics, politics of memory, collaborationism, India, Indonesia, erosion of the monopoly of academic historiography, popular culture.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая и политическая память, несмотря на то, что они развиваются циклично, являются существенными факторами функционирования современного общества. Среди тем, которые могут быть определены как маргинальные, табуированные или нежелательные для общественного обсуждения в ряде стран, следует отнести вопросы коллаборационизма — сотрудничества жителей оккупированных территорий с оккупационными гражданскими и военными властями. В центре авторского внимания в этой статье будут проблемы функционирования и проявления исторической памяти в отношении прояпонских коллаборационистов в Индии и Индонезии в исторических политиках памяти не в контекстах академической историографии, но в рамках вопроса эрозии исторического сознания под влиянием массовой культуры общества потребления.

Академические версии восприятия коллаборационизма как в регионах (Кирчанов, 2016а; Кирчанов, 2016b), так и в Европе (Кирчанов, 2019) были проанализированы автором в более ранних исследованиях (Кирчанов, 2013; Кирчанов, 2009; Кирчанов, 2015), где показано формирование памяти о войне и коллаборационизме, ее изменения, трансформации различных версий памяти, стимулы и мотивы интеллектуалов, принимавших участие в развитии этого сегмента историографии в ее академической версии.

Одна из особенностей изучения исторической памяти в академической историографии состоит в одновременном софункционировании множественных интерпретаций этого явления. В современном мире сфера бытования исторической памяти претерпела значительные трансформации, а академические сообщества профессиональных историков утратили монополию на формирование и публичное выражение исторической памяти. Ситуация осложняется тем, что в современной ситуации междисциплинарности для полного и адекватного описания множественных ситуаций памяти, существующих в различных регионах, явно недостаточно использования термина «историческая память». Кроме этого, терминологический инструментарий историков и интеллектуалов существенно расширился с введением в научный оборот дефиниции «историческая политика».

Анализируя особенности концептов «историческая память» и «историческая политика», автор полагает, что оба эти явления представляют собой вторичные производные от развития националистического воображения. Национализмы в XIX–XX вв. институционализировали нации, наделяя их памятью, что было невозможно без формирования профессиональной историографии с ее предметом и объектом исследования. На протяжении двух столетий сферой бытования исторической памяти была историография, что в наибольшей степени проявлялось в авторитарных обществах, где режимы и элиты цензурировали процессы производства и воспроизводства исторических нарративов, поставив их под идеологический контроль. Историческая память существовала в рамках историографии до тех пор, пока мир, возникший как проект эпохи модерна, оставался таковым, то есть существовал в рамках традиционной либроцентричной, «офф-лайнной» и «аналоговой», модели распространения знания

о прошлом, но процессы глобализации, развития массовой культуры и общества потребления радикально изменили сферы локализации и бытования исторической памяти, которая перестала быть частью национального дискурса, мутировав в транс-национальные проекты, построенные по принципам франшизы и воспроизводимые современными индустриями досуга и общества потребления. Эта ситуация размывания идентичностей стимулировала элиты изменить отношение к исторической памяти в силу того, что контроль над историографией уже не означал и не предусматривал автоматического контроля над прошлым «по умолчанию». Первыми с этой проблемой столкнулись транзитные общества, которые применили различные механизмы манипулирования фактами прошлого (забывание политически и идеологически неудобного и неприятного опыта в форме массовых амнезий, поддерживаемых на государственном уровне; героизация и мифологизация одних моментов прошлого в ущерб другим; традиционная монументализация и пространственная фиксация памяти при помощи памятников и музеев; коррекция памяти путем государственно-вмешательства в профессиональную деятельность историков), что в результате стало известно как «историческая политика». Но в условиях современной ситуации исторической политики в этих формах явно недостаточно, и это стимулирует элиты и профессиональные сообщества идти по пути симуляции и имитации памяти через ее упрощение и интеграцию в каноны массового сознания.

Анализируя память о проявлениях коллаборационизма в период Второй мировой войны, историки могут столкнуться с проблемой специфики источникового корпуса. Мы можем анализировать отражение этой тематики в академической историографии, но тогда гипотетические выводы в целом могут быть локализованы в рамках истории идей или интеллектуальной истории. Современная историография не испытывает недостатка в подобного рода исследованиях. Автор полагает, что сфера бытования различных версий исторической и политической памяти о коллаборационизме не ограничивается только академической историографией, которая постепенно утрачивает свои позиции в конкуренции с другими формами исторического сознания и рефлексиями относительно прошлого. Поэтому автор полагает, что изучение исторической памяти о политически неудобных фактах коллаборационизма возможно в рамках их интеграции в модели исторической памяти в целом и в контекстах их бытования в контекстах культуры общества потребления с его качественно иными запросами на прошлое, включая спорные и болезненные моменты коллаборационизма в период Второй мировой войны.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Современная историография коллаборационизма характеризуется значительной гетерогенностью. Если в норвежской [Dahl, 1999] или французской [Boyd, 2015] историографии факты коллаборационизма не отрицаются, но, как правило, осуждаются, то ситуация со словацкой [Lacko, 2008] и хорватской [Krišto, 2001] исторической памятью не так проста

в силу того, что «независимые» государства на территории Словакии и Хорватии, возникшие в период Второй мировой войны, стали здесь фактическими первыми формами государственности после перерыва в несколько веков. История коллаборационизма в период Второй мировой войны не ограничивается историей сотрудничества с «врагом» только на территории Европы, но и ставит ряд вопросов о связи и соотношении измены с движениями, которые при определенных идеологических обстоятельствах могут восприниматься как национальные, освободительные или даже патриотические. История Второй мировой войны в Индии и Индонезии обеспечивает историков фактами коллаборации, изучение памяти о которых и чье присутствие в современной исторической политике некоторых стран чревато методологическими сложностями.

Историографическая ситуация будет осложняться и тем, что СССР стремился поддерживать отношения как и Индией, так и с Индонезией (как минимум до государственного переворота 1965 г.), а усилиями советских востоковедов был создан позитивный образ как индийского, так и индонезийского национального движения, и поэтому в историографии факты сотрудничества некоторых индонезийских и индийских националистов с японцами воспринимались как политически и идеологически неудобные. В Индонезии после того, как страна получила независимость, в политическом классе выделялись три фигуры – Сукарно (1901–1970), Сухарто (1921–2008) и Мохаммад Хатта (1902–1980); в Индии среди лидеров национального движения, направленного против британского колониализма, особую роль играл Субхас Чандра Бос (1897–1945).

Начиная с 1942 г. индонезийские политики активно сотрудничали с японцами: японский император принял Сукарно [Giebels, 1999; Hering, 2002; Legge, 2007], наградив его орденом; Сухарто служил в прояпонских формированиях [Shimer, Hobbs, Friend, 1986]; в 1942 г. японцы освободили из тюрьмы Мохаммада Хатту [Imran, 1991; Noer, 1990; Rose, 1987], куда его несколькими годами ранее успели заключить голландские колониальные власти; кроме этого, он занял должность советника японской оккупационной администрации. Субхас Чандра Бос в январе 1941 г. прибыл в Кабул, где провел переговоры с немецкими и итальянскими представителями. В апреле 1941 г. в Берлине он ведет переговоры с японскими дипломатами, а 29 мая 1942 г. и вовсе встречается с Адольфом Гитлером. В 1943 г. Бос согласился возглавить Временное правительство свободной Индии «Азад Хинд» и вооруженные силы Национальной армии на территории Сингапура, который был оккупирован японцами.

И Сукарно, и Сухарто, и Мохаммад Хатта, и Субхас Чандра Бос были активными коллаборационистами, которые сотрудничали с японцами, что определило последующие сложности их локализации в исторической памяти: если в Нидерландах и Великобритании эти политики воспринимаются как предатели [Newell, 1982; Reid, Akira Oki, 1986; Post, Frederick, 2009], то в Индии и Индонезии – национальные герои, внесшие значительный вклад в получение независимости. Деятельность этих политиков в период Второй мировой войны и их место в послевоенной Индии и Индонезии стали причиной определенных сложностей для академической историографии – как западной, так и советской.

Европейские (преимущественно – голландские) авторы [Grevers, 2014; Tames, 2013] оценивают японскую оккупацию Индонезии крайне негативно, что стало следствием автоматической трансплантации того дискурса, который возник при описании оккупации и коллаборационизма в Европе, хотя некоторые и позволяют себе писать о феномене «патриотического» предательства [Littlejohn, 1972]. Советская историография [Демин, 1963; Кямилев, 1972; Капица, Малетин, 1980] предпочитала описывать период японской оккупации Индонезии в идеологически выверенной системе координат [Кирчанов, 2016а]. В советской историографии было создано только одно обобщающее исследование, посвященное проблемам истории Индонезии периода японской оккупации, которое несло все родовые травмы советской модели исторического знания. Оккупация советскими историками воспринималась в соответствии с искусственно перенесенными идеологическими клише, отработанными при описании аналогичной проблематики в европейской или советской перспективе. Усилия советских историков были в максимальной степени направлены на демонизацию японской оккупации, что не создавало условия для объективного изучения проблем сотрудничества националистов с японскими оккупационными властями: проблемы истории оккупации были мифологизированы, а советский идеологически выверенный историографический миф предусматривал описание японской оккупации в категориях социально-экономической истории. В этой ситуации советские историки вскользь упоминали о сотрудничестве лидеров национального движения с японцами. Сукарно в советском историческом воображении и вовсе стал фигурой умолчания, так как советским историкам было идеологически неудобно упоминать некоторые моменты его биографии, принимая во внимание динамично развивающиеся (как минимум, до 1965 г.) отношения с Индонезией.

Индийские и индонезийские националисты не сталкивались с теми идеологическими ограничениями, которые стояли на пути советских историков в их попытках осмыслить опыт и противоречия коллаборационизма в период японской оккупации – поэтому и Сукарно, и Сухарто, и Мохаммад Хатта, и Субхас Чандра Бос стали частью исторической и культурной памяти индонезийского и индийского национализмов, а их присутствие в различных формах коммеморации привело к тому, что они превратились в героев исторической политики и периодически имеющих место попыток идеологически мотивированной проработки прошлого под лозунгами его национализации и деколонизации.

«ВЕЧНО ЖИВЫЕ» ПАТРИОТИЧЕСКИЕ «КВИСЛИНГИ» В ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ И ПРОРАБОТКАХ ПРОШЛОГО

Если европейские исторические памяти и исторические политики как ее формы, которые контролируются и институционализированы элитами в случае с пронемецкими или проитальянскими коллаборационистами периода Второй мировой войны, функционируют в режиме их вытеснения на периферию национальной идентичности, воспринимая и воображая коллаборационистов как маргинальные фигуры и конструируя их негативные образы, то в отношении Сукарно, Сухарто, Мохаммада

Хатты и Субхаса Чандры Боса политики памяти в Индии и Индонезии демонстрируют качественно другие тактики и стратегии использования их наследия и его интеграции в современные пространства и контексты идентичности. В рамках политкорректного консенсуса в западных обществах установилось негативное отношение к фактам военного и политического сотрудничества с агрессором. Это стало следствием коллективных травм периода Второй мировой войны, нескольких десятилетий государственно санкционированного покаяния и практики коллективных извинений. В отношении незападных исторических памятней было бы странным и наивным ожидать, что оценки и интерпретации местных интеллектуалов будут сходны с европейскими точками зрения. Попытки интеграции азиатского коллаборационизма в западнцентрическую систему академических интерпретаций и моральных оценок автоматически означали бы анализ явления в (нео)колониальном восприятии.

По мнению польского историка Р. Трабы, «ни одна из стран Центральной и Восточной Европы... не проходила через очную ставку с собственным прошлым» (Траба, 2009), но участники политики памяти за пределами Европы и не думали этого делать, осознав потенциал истории как изобретенной традиции для актуализации идентичности — незападные исторические политики столь отличны от западных в отношении к политическим деятелям, которые были активными коллаборационистами. Европейские и неевропейские ситуации исторической памяти и исторической политики радикально отличны друг от друга, что вызвано следующим фактором: ни один из европейских политиков, который занимал пост главы государства после 1945 г., не был активным коллаборационистом, но в одной Индонезии таких политиков было как минимум три — Сукарно являлся президентом с 1945 г. формально по 1967 г., Сухарто — фактически с 1966 по 1998 г., а Мохаммад Хатта — премьер-министром (1948–1950) и вице-президентом (1945–1956). Фактически независимая Индонезия была создана политиками и интеллектуалами, которые не только были индонезийскими националистами, но и являлись активными прояпонскими коллаборационистами. К 1998 г., то есть моменту отстранения от власти, Сухарто оставался единственным в мире главой государства, который принимал участие во Второй мировой войне фактически на стороне противников антигитлеровской коалиции.

Что касается Индии, то Субхас Чандра Бос погиб в авиакатастрофе в 1945 г., став в мифологии индийского национализма второй фигурой после Махатмы Ганди. Несмотря на формально различные индивидуальные и персональные траектории биографий и фактически общее для них сотрудничество с Японией в период Второй мировой войны, и Сукарно, и Сухарто, и Мохаммад Хатта, и Субхас Чандра Бос оказались значимыми фигурами для политически и идеологически мотивированных манипуляций с прошлым.

Хотя термин «историческая политика» [Миллер, 2009; Шеррер, 2009] используется для описания и анализа явлений 2000–2010-х гг. (в качестве альтернативы более ранних практик государственного вмешательства в исторические штудии через

цензурирование тематики и направленности исследований), автор полагает, что ее элементы можно обнаружить не только в Европе [Борох, Ломанов, 2009; Кирчанов, 2016b], но и в постколониальной Индии в контекстах политики коммеморации деятельности Субхаса Чандры Боса, которая стала использоваться элитами практически сразу с того момента, как страна обрела независимость. По мнению А. Казакевича, «каждая политическая система определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [Наука..., 2006]. Поэтому наследие Боса было интегрировано в канон индийской национальной и исторической памяти в той мере, в какой оно соотносилось с задачами формирования и укрепления идентичности. Во-первых, деятельность Боса существенно повлияла на формирование государственной символики независимой Индии, власти которой фактически заимствовали флаг и герб правительства, которое Бос возглавлял в Сингапуре. Образ Субхаса Чандры Боса активно популяризировался в индийской исторической памяти при помощи такой изобретенной традиции, как почтовые марки: его фотография появлялась на них как минимум восемь раз – в 1964 (дважды), 1968, 1993, 1997 (дважды), 2016, 2018 гг. Если марка 1968 г. выполняла частные коммеморативные задачи, фиксируя 25-летие создания «Азад Хинд» – временного правительства Свободной Индии, то марки 1990–2010-х гг. имели уже более широкие задачи. Марка 1993 г. стала попыткой подчеркнуть преемственность между армией Боса и современными индийскими Вооруженными Силами, а марка 2018 г. призвана актуализировать континуитет между правительством Боса и современной Индией, так как посвящена 75 годовщине подъема национального флага (фактически современного государственного флага Индии) в 1943 г. про- японскими формированиями Боса.

В 1992 г. имя было Субхаса Чандры Боса официально занесено в пантеон героев Индии, а сам националист посмертно награжден орденом «Бхарат ратна» – высшей наградой Индии. Субхас Чандра Бос актуализирует образ Индии как современного государства: например, Международный аэропорт в Калькутте и одна из станций Калькуттского метро названы его именем. Субхас Чандра Бос оказался интегрируемым и в массовую культуру, о чем свидетельствует фильм Шьям Бенегал «Лидер Субхас Чандра Бос: Забытый герой» («Netaji Subhas Chandra Bose: The Forgotten Hero», 2004), мини-сериал «Bose: Dead / Alive» (2017) и первый сезон сериала «Вождь» («Netaji», 2019, 130 серий). С образом Боса связан фильм «Raag Desh» («Возлюби Родину», 2017), посвященный суду над его сторонниками, организованном британцами в 1945 и 1946 гг. В 2019 г. вышел фильм «Gumnaami», сфокусированный на мистических версиях гибели Боса.

Таким образом, после гибели Боса был признан его вклад в формирование современной индийской идентичности и политической нации как воображаемого сообщества (чему не помешали факты его прояпонского коллаборационизма), что выразилось в манипуляциях его образами в исторической памяти Индии, что приобрело различные формы – от использования относительно традиционных

изобретенных традиций (марки) до интеграции Боса в массовую культуру в качестве героя кинематографа — от полнометражных фильмов до сериалов.

Политика коммеморации Сукарно направлена на актуализацию его заслуг как отца нации, хотя признается, что война за независимость началась непосредственно после японской оккупации, а индонезийские националисты активно использовали наследство императорской армии. Аналогичные меры были предприняты относительно коллективной памяти о Хатте, которому в 1986 г. Сухарто присвоил звание «Герой провозглашения независимости», что стало попыткой дезавуировать сотрудничество националистов с японцами, вообразив коллаборационизм как патриотический шаг и подготовку к получению суверенитета. Сукарно стал героем нескольких фильмов, но только один из них — «Soekarno: Indonesia Merdeka» («Сукарно: свобода Индонезии», 2013) — героизирует и глорифицирует его деятельность в период японской оккупации. Музеи, посвященные Сукарно, актуализируют его вклад в индонезийский национализм, а сотрудничество с японцами хотя и признается, но все же остается с тени. Аналогичные стратегии проработки прошлого использованы в музее «Пурна Бхакти Пертивии», посвященном деятельности Сухарто. Тем не менее коммеморативные практики, связанные с актуализацией образа Сукарно, указывают на его роль в целом: его именем назван стадион «Бунг Карно», а международный аэропорт в Джакарте носит имена Сукарно и Хатты. В 1960-е гг. имели место попытки пространственной коммеморации Сукарно, но эти меры оказались временными: с 1963 по 1968 гг. город Джаяпура (Западный Ириан) назывался Сукарнопура.

В этом контексте индонезийская историческая политика актуализации памяти о коллаборационистах существенно отличается от аналогичных индийских стратегий, что стало следствием доминирования в историографии и коллективной памяти гранд-нарративов, а не частных форм коммеморации. В этой ситуации политика памяти в большей степени направлена на формирование образов националистов как отцов нации, а факты прояпонского коллаборационизма воспринимаются как эпизод, интегрированный в центральную тему большого нарратива — идею политической независимости.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ: ОТ КРИЗИСА НАРРАТИВА О КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ К ЕГО ЛОКАЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВАХ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуализация проблем коллаборационизма в исторических политиках Индии и Индонезии связана с функционированием этих государств как национализирующихся обществ. Проблемы коллаборации в период Второй мировой войны обсуждаются не только в рамках академической историографии — в силу того, что существуют другие пространства, в рамках которых актуализация исторической памяти может быть не менее эффективной.

На современном этапе историческая политика все более глубже интегрируется в механизм функционирования общества потребления, и поэтому не только нарративные стратегии воображения / изобретения / конструирования истории, но и ее ассимиляция массовой культурой становится формой проработки прошлого – например, в визуализации истории коллаборационизма при помощи киноиндустрии больше других преуспела Индия. Если европейские исторические памяти на современном этапе фактически делают невозможным превращение коллаборационистов в героев современной массовой культуры, то в Индии эта ситуация оказалась вполне нормальной.

Индонезийская и индийская исторические политики в отношении коллаборационистов в определенной степени все же близки к аналогичным практикам, тактикам и стратегиям, используемым европейскими интеллектуалами – в Европе существует неформальный компромисс умолчания в отношении сотрудничества с оккупантами в силу того, что различные проявления коллаборации фактически не могут быть вписаны в доминирующую систему ценностей. Кроме этого, попытки актуализации столь спорной темы, как коллаборационизм, ставят вопросы как ответственности, так и поддержки сотрудничества с оккупационными властями, что содействует деконструкции романтического и героического мифа о Соппротивлении – основу сопротивления японской агрессии в этих регионах составляли армии метрополий, но не местное население, склонное видеть в европейцах угнетателей, а в японцах – если не освободителей, то временных союзников.

Поэтому коллаборационисты воспринимаются в историческом воображении Индии и Индонезии как фигуры, достойные статуса национальных героев. Не менее острой следует признать проблему континуитета между активными коллаборационистами и их пассивными сторонниками с последующими поколениями политических элит. Если эта проблема может показаться не очень актуальной для Европы (между тем, история ряда стран все же обеспечивает историков примерами, когда бывшие коллаборационисты интегрировались в научные сообщества или даже в политические классы), то исторические политики в Индии и Индонезии затрагивают проблемы роли коллаборационистов после того, как эти страны стали независимыми.

Определенные новые тенденции в манипуляциях исторической памятью в Индии проявились в результате политических трансформаций вследствие прихода к власти в 2014 г. Нарендры Моди, который известен как сторонник хиндутьвы – синтетической версии индийского этнического национализма. Нарендра Моди инициировал начало политизации и идеологизации той модели исторической памяти, которая сложилась в Индии и эволюционировала на протяжении всего периода независимости: были изменены пространственные трансформации памяти (компания, направленная на изменение географических названий на англоязычных картах на калькированные топонимы с хинди – Бомбей в Мумбай, Аллахабад в Праяградж, округ Файзабад в Айодхью, станция метро Могол Сарай в Дин Дайял Упадхьяй, Тривандрум в Тируванантапур и т.п.), что стимулировало попытки ревизии роли

прояпонских националистов в массовой культуре, вдохновив «фильмизацию» исторической памяти о сотрудничестве с японцами.

Проблемы прояпонского коллаборационизма в период Второй мировой войны принадлежат к числу идеологизированных тем в исторических памятях. Если европейские политики памяти основаны на забывании, маргинализации и вытеснении фактов сотрудничества с оккупантами, то неевропейские тактики и стратегии политически мотивированной проработки прошлого существенно отличаются. Историческая политика в Индии и Индонезии может быть определена как политика замалчивания и утраченной инициативы: если академические сообщества стремятся сохранить нейтральность или игнорировать данную тематику, то массовая культура свободна от подобных формальных ограничений. Постепенно коллаборационисты перестают быть антигероями историографии в традиционном понимании, став героями массовой виртуальной культуры.

Автор полагает, что коллаборационисты в изучаемых регионах перестали быть антигероями историографии в традиционном понимании, став героями виртуальной культуры или упрощенной версии истории для массового потребления в силу того, что академическая историография перестала быть как актуальной, так и понятной для такого общества. Поэтому, анализируя процессы посмертной интеллектуальной миграции коллаборационистов в различных версиях национальной памяти, автор вынужденно полагает, что академическая историография не только не смогла адаптироваться к обществу, где история перестала быть одним из смыслов и символических товаров светской религии гражданства, а антигерои более ранней политически и идеологически мотивированной историографии истории Второй Мировой войны «мигрировали» из академической исторической науки в сферу массовой культуры (сериалы) или изобретенных политических традиций (музеи, марки, памятники и т.д.).

Анализируя проблемы, рассматриваемые в статье, следует, вероятно, признать, что историческая наука, когда речь идет о таких концептах, как «война», «национализм» и «измена» / «предательство», перестает быть объективной, в максимальной степени актуализируя релятивизм в своих интерпретациях и их зависимость от внешних факторов. Поэтому четкое разделение или размежевание исторической политики и массовой культуры представляется рационально неоправданным и политически мотивированным. Элиты могут сколько угодно манипулировать результатами деятельности историков как академического сообщества, что вынудит массы принять идеологически подкрепленные интерпретации истории, освоив через потребление массовой культуры, и хотя известно, что не потребители ставят памятники отцам-основателям нации, которые могли быть националистами для одних и предателями для других, тем не менее они охотно потребляют кинофильмы и посещают музейные экспозиции, интегрируя специально подготовленные и упрощенные визуализированные для них представления о прошлом, облаченные в одеяния массовой культуры, где прошлое перестало быть символическим товаром, став реально продаваемым продуктом.

Неевропейские интеллектуалы в большей степени, чем их европейские коллеги, склонны актуализировать факты сотрудничества, признавая исторический континуитет между коллаборационистскими режимами и постколониальными государственностями, но и они оказываются не очень эффективны в конкуренции с версиями исторической памяти, порожденными массовой культурой. Сферы пространственной локализации коллаборационистов в различных исторических памятниках разнообразны, варьируясь от традиционной историографии и монументальной скульптуры до интернета и современной киноиндустрии как сфер, не только не требующих от потребителя специальных знаний, но и предлагающих культурные и исторические послания, фактически не нуждающиеся в дешифровке обществом, «уставшим» воспроизводить и генерировать смыслы, сделавшим выбор в пользу их потребления. История и историческая память в этой ситуации раздели судьбу других смыслов, будучи подвергнуты десакрализации, унификации, сериализации и интеграции в каноны и контексты массовой культуры.

Таким образом, посмертная «миграция» политиков-коллаборационистов из политических дискуссий академической историографии в массовую культуру предопределила «поражение» нарративной истории как модели описания пошлого, которая не смогла эффективно конкурировать с новыми версиями множественно и разнообразно воображаемой и изобретаемой истории, визуализированной и примитивизированной для нужд общества потребления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Борах О., Ломанов А. Возвращение Небесного повеления // *Pro et Contra*. 2009. Май–август. С. 65–88.

Демин Л.М. Японская оккупация Индонезии (1942–1945 гг.). М.: Издательство восточной литературы, 1963. 236 с.

Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М.: Мысль, 1980. 232 с.

Кирчанов М.В. Японская оккупация Индонезии: множественность исторических памятней в зарубежной историографии // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2016а. № 30. С. 134–153.

Кирчанов М.В. «Проработка прошлого» в Индонезии: трудности и сложности «вспоминания» массовых убийств 1965–1966 гг. в контексте конкурирующих исторических памятней и коллективных представлений о прошлом // *Acta Orientalia Voropensia. Воронежское востоковедение*. Воронеж: Воронежский государственный университет Факультет международных отношений, Центр восточных исследований, 2016b. С. 86–101.

Кирчанов М.В. «Плачущие по нескончаемому миру»: колониализм, национализм и транскультурализм (проблемы постколониального анализа). Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013. 194 с.

- Кирчанов М.В. Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: «Научная книга», 2009. 250 с.
- Кирчанов М.В. Проблемы коллаборационизма в Индонезии в период японской оккупации (1942–1945): историческая память о войне и индонезийский национализм // «Этот день мы приближали как могли...». К 70-летию Великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и их сателлитами. Материалы международной научной конференции (Россия, Воронеж, 14 мая 2015 года) / под. ред. Е.А. Шендрикова. Воронеж, 2015. С. 409–424.
- Кирчанов М.В. Исторический ревизионизм в Болгарии и Хорватии: проблемы истории национализма и политическая ответственность интеллектуалов // *Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. Воронеж: ФМО ВГУ, 2019. С. 104–129.
- Кямилев Э.Х. Завоевание Индонезией независимости. М.: Наука, 1972. 220 с.
- Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. Май–август. С. 7–11.
- Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // *Палітычная сфера*. 2006. № 6. С. 44–48.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // *Pro et Contra*. 2009. Май–август. С. 43–64.
- Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май–август. С. 89–108.
- Boyd D. *Voices from the Dark Years: The Truth About Occupied France 1940–1945*. L.– NY.: The History Press, 2015. 400 p.
- Dahl H. *Quisling: a study in treachery*. Cambridge University Press, 1999. 472 p.
- Giebels L.J. *Soekarno: Nederlandsch Onderdaan – Een Biografie 1901-1950*. Bert Bakker, 1999. 531 p.
- Grevers H. *Van landverraders tot goede vaderlanders: de opsluiting van collaborateurs in Nederland en België 1944–1950*. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2014. 399 p.
- Hering B. *Soekarno: Founding Father of Indonesia, 1901–1945*. Koninklijk Instituut Voor de Tropen, 2002. 439 p.
- Imran A. *Mohammad Hatta: Pejuang, Proklamator, Pemimpin, Manusia Biasa*. Jakarta: Mutiara Sumber, 1991. 92 p.
- Krišto J. *Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj*. Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2001. 460 s.
- Lacko M. *Slovenská republika 1939–1945*. Bratislava: Perfekt, 2008. 206 s.
- Legge J. *Sukarno: A Political Biography*. Butterworth-Heinemann, 2007. 480 p.
- Littlejohn D. *The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-Occupied Europe, 1940–1945*. L.: Heinemann, 1972. 391 p.
- Newell W.H. *Japan in Asia, 1942–1945*. Singapore University Press, 1982. 123 p.

- Noer D. *Mohammad Hatta, Biografi Politik*. Jakarta: LP3ES, 1990. 778 p.
- Rose M. *Indonesia free: a political biography of Mohammad Hatta*. Ithaca: Cornell University, 1987. 237 p.
- Tames I. *Doorn in het vlees: foute Nederlanders in de jaren vijftig en zestig*. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2013. 356 p.
- The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War* / eds. P. Post, W. Frederick and others. Brill Academic Publishers, 2009. 710 p.
- The Japanese Experience in Indonesia: Selected Memoirs of 1942–1945* / eds. A. Reid, Akira Oki. Ohio University Press, 1986. 424 p.
- The Kenpeitai in Java and Sumatra: selections from the authentic history of the Kenpeitai (Nihon kenpei seishi) by the National Federation of Kenpeitai Veterans' Associations (Zenkoku Kenyukai Rengokai Hensan linkai)* / translated by Barbara Gifford Shimer and Guy Hobbs; with an introduction by Theodore Friend. Ithaca: Cornell Modern Indonesia Project, 1986. 74 p.

REFERENCES

- Borah O., Lomanov A. Vozvrashchenie Nebesnogo poveljenija [Return of the Heavenly command], in *Pro et contra*. 2009. May–August. Pp. 65–88 (in Russian).
- Demin L.M. *Japonskaja okkupatsija Indonezii (1942–1945 gg.)* [Japanese occupation of Indonesia (1942–1945)]. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1963. 236 p. (in Russian).
- Kapitsa M.S., Maletin N.P. *Sukarno. Politicheskaja biografija* [Sukarno. Political biography]. M.: Izd-vo Mysl', 1980. 232 p. (in Russian)
- Kirchanov M.V. Japonskaja okkupatsija Indonezii: mnozhestvennost' istoricheskikh pamjatej v zarubezhnoj istoriografii [Japanese occupation of Indonesia: the plurality of historical memories in foreign historiography], in *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nyje problemy razvitiya*. 2016a. № 30. Pp. 134–153 (in Russian).
- Kirchanov M.V. "Prorabotka proshlogo" v Indonezii: trudnosti i slozhnosti "vspominanija" massovyh ubijstv 1965–1966 gg. v kontekste konkurirujushchih istoricheskikh pamjatej i kollektivnyh predstavlenij o proshlom [Vergangenheitspolitik in Indonesia: the difficulties of "emembering" the massacres of 1965–1966 in contexts of competing historical memories and collective representations of the past], in *Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies*. Voronezh: Voronezh State University, Faculty of International Relations, Center for Oriental Studies, 2016b. Pp. 86–101 (in Russian).
- Kirchanov M.V. "Plachushchiye po neskonchayemomu miru": kolonializm, natsionalizm i transkul'turalizm: problemy postkolonial'nogo analiza ["Weeping for an endless peace": colonialism, nationalism and transculturalism (problems of postcolonial analysis)]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2013. 194 p. (in Russian).
- Kirchanov M.V. *Natsionalizm i modernizatsija v Indonezii v XX veke* [Nationalism and modernization in Indonesia in the 20th century]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2009. 250 p. (in Russian).

- Kirchanov M.V. Problemy kollaboratsionizma v Indonezii v period yaponskoy okkupatsii (1942–1945): istoricheskaja pamjat' o vojne i indonezijskij natsionalizm [Problems of collaborationism in Indonesia during the Japanese occupation (1942–1945): historical memory of the war and Indonesian nationalism], in Shendrikov Ye.A., ed. *“Etot den’ my priblizhali kak mogli...”. K 70-letiyu Velikoy Pobedy sovetskogo naroda nad nemetsko-fashistskimi zahvatchikami i ih satellitami. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Rossiya, Voronezh, 14 maya 2015 goda)* [“This day we brought as close as we could ...”. To the 70th anniversary of the Great Victory of the Soviet people over the Nazi invaders and their satellites. Materials of the international scientific conference (Russia, Voronezh, May 14, 2015)]. Voronezh, 2015. Pp. 409–424 (in Russian).
- Kirchanov M.V. Istoricheskiy revizionizm v Bolgarii i Khorvatii: problemy istorii natsionalizma i politicheskaya otvetstvennost’ intellektualov [Historical revisionism in Bulgaria and Croatia: problems of the history of nationalism and the political responsibility of intellectuals], in *Problemy stran postsovetskogo prostranstva, stran Tsentral’noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy*. Voronezh: FMO VGU, 2019. Pp. 104–129 (in Russian).
- Kjamilev E.H. *Zavoevanie Indoneziej nezavisimosti* [Indonesia’s conquest of independence]. M.: Nauka Publ., 1972. 220 p. (in Russian).
- Miller A. Rossija: vlast’ i istorija [Russia: power and history], in *Pro et contra*. 2009. May–August. Pp. 7–11 (in Russian).
- Navuka i strahii pracy z minulym. Diskusija ũ miežach sieminara “Sučasnaje bielaruskaje myslennie”, Instytut sacyjalohii, Instytut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda [Science and strategies work in the past. Discussion at the seminar “Contemporary Belarusian Thinking”, Institute of Sociology, National Academy of Sciences, Institute of Philosophy, March 16, 2006], in *Palityčnaja sfera*. 2006. № 6. Pp. 44–48 (in Belarus).
- Traba R. Pol’skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century], in *Pro et contra*. 2009. Maj–August. Pp. 43–64 (in Russian).
- Scherrer J. Germanija i Frantsija: prorabotka proshlogo [Germany and France: Vergangenheitspolitik], in *Pro et contra*. 2009. May–August. Pp. 89–108 (in Russian).
- Boyd D. *Voices from the Dark Years: The Truth About Occupied France 1940–1945*. L.– NY.: The History Press, 2015. 400 p.
- Dahl H. *Quisling: a study in treachery*. Cambridge University Press, 1999. 472 p.
- Giebels L.J. *Soekarno: Nederlandsch Onderdaan – Een Biografie 1901–1950* [Soekarno: Dutch Citizen – A Biography 1901–1950]. Bert Bakker, 1999. 531 p. (in Dutch).
- Grevers H. *Van landverraders tot goede vaderlanders: de opsluiting van collaborateurs in Nederland en België 1944–1950 (From traitors to good patriots: the imprisonment of collaborators in the Netherlands and Belgium 1944–1950)*. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2014. 399 p. (in Dutch).
- Hering B. *Soekarno: Founding Father of Indonesia, 1901–1945*. Koninklijk Instituut Voor de Tropen, 2002. 439 p.

Imran A. *Mohammad Hatta: Pejuang, Proklamator, Pemimpin, Manusia Biasa (Mohammad Hatta: Warrior, Proclamator, Leader, Ordinary Man)*. Jakarta: Mutiara Sumber, 1991. 92 p. (in Bahasa Indonesia).

Krišto J. *Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj (Conflict of Symbols. Politics, Religions and Ideologies in the Independent State of Croatia)*. Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2001. 460 s. (in Croatian).

Lacko M. *Slovenská republika 1939–1945 (Slovak Republic, 1939–1945)*. Bratislava: Perfekt, 2008. 206 s. (in Slovak).

Legge J. *Sukarno: A Political Biography*. Butterworth-Heinemann, 2007. 480 p.

Littlejohn D. *The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-Occupied Europe, 1940–1945*. L.: Heinemann, 1972. 391 p.

Newell W.H. *Japan in Asia, 1942–1945*. Singapore University Press, 1982. 123 p.

Noer D. *Mohammad Hatta, Biografi Politik*. Jakarta: LP3ES, 1990. 778 p.

Rose M. *Indonesia free: a political biography of Mohammad Hatta*. Ithaca: Cornell University, 1987. 237 p.

Tames I. *Doorn in het vlees: foute Nederlanders in de jaren vijftig en zestig*. Amsterdam: Uitgeverij Balans, 2013. 356 p.

The Encyclopedia of Indonesia in the Pacific War / eds. P. Post, W. Frederick and others. Brill Academic Publishers, 2009. 710 p.

The Japanese Experience in Indonesia: Selected Memoirs of 1942–1945 / eds. A. Reid, Akira Oki. Ohio University Press, 1986. 424 p.

The Kenpeitai in Java and Sumatra: selections from the authentic history of the Kenpeitai (Nihon kenpei seishi) by the National Federation of Kenpeitai Veterans' Associations (Zenkoku Kenyukai Rengokai Hensan linkai) / translated by Barbara Gifford Shimer and Guy Hobbs; with an introduction by Theodore Friend. Ithaca: Cornell Modern Indonesia Project, 1986. 74 p.